

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Е. ХОДОРОВ

ДЕКАБРИСТЫ-ЛИТЕРАТОРЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (1972—1975) *

150-летний юбилей восстания декабристов явился большим событием в истории русской культуры. Естественно, он усилил интерес научной общественности к движению первых русских революционеров. Вышли в свет труды по истории декабризма, охватывающие самые различные ее аспекты. Так, 96 том «Исторических записок» (1975) целиком посвящен декабристам. В него вошли исследования, касающиеся собственно истории движения (А. Б. Шешин — «Декабристское общество в гвардейском морском экипаже», А. В. Семенова — «Южные декабристы и П. Д. Киселев»); ряд работ, дающих новые биографические сведения об отдельных его участниках, — Н. А. Рабкиной о Г. С. Батенькове, С. В. МIRONENKO о М. А. Фонвизине, Н. Я. Эйдельмана о С. И. Муравьеве-Апостоле, В. М. Тарасовой о Н. И. Тургеневе, Е. Н. Мачульского о М. П. Бестужева-Рюмине. Связи декабризма с предшествовавшими и современными ему общественными процессами Европы рассмотрены в статьях О. В. Орлик, Н. В. Минаевой, И. С. Достяц, С. Н. Романовой, декабристская историография — в работах С. С. Ланды и А. Н. Цамутали. Статья В. Г. Вержбицкого «Патриотизм декабристов» поднимает одну из важнейших проблем декабристской идеологии.¹

Заметным достижением в изучении идей декабризма явилась монография С. С. Ланды «Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов» (1975). В ней делается интересная попытка разработать типологию тайных политических организаций в России начала прошлого века, проследить развитие организационной структуры общества декабристов в связи с изменениями декабристской идеологии и сопоставить эту структуру с построением современных им революционных организаций Европы.²

Восточно-Сибирское книжное издательство выпустило трехтомный свод документов, объединенных общей темой «Декабристы в Сибири», — «Своей судьбой гордимся мы» (1973), «Дум высокое стремленье» (1975) и «В сердцах Отечества сынов» (1975). В этот свод вошли воспоминания самих декабристов о их сибирской жизни, воспоминания о них современников-сибиряков и, наконец, исследования советских ученых, написанные к 100-летию юбилею восстания. Многие из этих работ, в свое время опубликованные в изданиях, ставших к настоящему времени библиографической редкостью, собраны здесь воедино и пополнены к тому же рядом новых статей и материалов. Достойным дополнением к третьему тому явился изданный Иркутским государственным университетом им. А. А. Жданова сборник исторических трудов «Памяти декабристов» (1975), а также сборники «Декабристы и Сибирь» (Новосибирск, 1977) и «Любовью к России горя...» (Иркутск, 1976).³

Ряд существенных декабристских документов исторического и историко-культурного характера опубликован в 36 выпуске «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (М., 1975). Здесь следует выделить публикацию С. В. Житомирской и Н. Я. Эйдельманом дневника С. Ф. Уварова, освещающего интересные страницы общественной реакции на события 1825 года и движение в целом.

Важным направлением исследований предъюбилейных лет стали философия и социология декабризма, политические и экономические учения деятелей тайных

* В обзоре учтены наиболее существенные публикации 1976 года и начала 1977 года.

¹ См. также документальную повесть Н. Я. Эйдельмана «Апостол Сергей» (М., 1975) и его статью о С. И. Муравьеве-Апостоле «Доброе дело делать...» («Звезда», № 12, 1975, с. 48—59). Следует упомянуть и выпущенную издательством «Мысль» книгу О. В. Орлик «Декабристы и европейское освободительное движение» (1975).

² Монографии С. С. Ланды близка по теме книга П. Ф. Никандрова «Революционная идеология декабристов» (1975).

³ Характеристику иркутских декабристско-исследовательских изданий см. в наших рецензиях в журналах «Звезда» (1976, № 9, с. 220—224) и «Октябрь» (1976, № 9, с. 219—220), а также в рецензии Я. Гордина («Звезда», 1977, № 7, с. 212—214).

обществ, активизировалось декабристское краеведение, отчетливо оформилось стремление изучить самую личность декабриста.

Особой темой декабристоведения были и остаются участвовавшие в движении литераторы. Безусловно, этот аспект не был в декабристоведческой науке предъюбилейных лет ведущим — не в последнюю очередь потому, что литературная деятельность декабристов — одна из наиболее капитально изученных еще в 1920—1950-е годы сторон их многогранного вклада в историю русской культуры.⁴ Однако и для декабристского литературоведения период 1972—1975 годов оказался достаточно плодотворным.

Здесь в первую очередь надлежит сказать о новых изданиях их наследия. Первым после «Полного собрания стихотворений К. Ф. Рыльева», вышедшего в 1971 году в большой серии «Библиотеки поэта», изданием рылеевских текстов были «Думы» (1975; серия «Литературные памятники»). Подготовивший книгу Л. Г. Фризман вновь тщательно сверил по автографам и прижизненным публикациям и прокомментировал рылеевский цикл, а также сопроводил основной текст полным сводом вариантов.⁵ Из книг, предназначенных главным образом для массового читателя, следует отметить составленный В. Н. Орловым двухтомник «Декабристы» (1975), базой для которого послужил сборник «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика», вышедший под редакцией того же составителя в 1951 году. В первый том вошли произведения поэтов-декабристов, как принадлежавших к числу крупнейших литераторов эпохи, так и непрофессиональных, во второй — наиболее характерные образцы декабристской прозы и литературно-критических выступлений. К сожалению, этот двухтомник не заменит однотомника 1951 года: из него выпали целые разделы — драматургия и публицистика декабристов, поэзия декабристского окружения, да и остальные рубрики претерпели значительные сокращения по сравнению с изданием 24-летней давности. Как положительные моменты отметим: включение в сборник ряда литературно-критических работ В. К. Кюхельбекера, в том числе его знаменитой лекции 1821 года о русском языке, которая до этого публиковалась только в 59 томе «Литературного наследства», а теперь стала достоянием широких читательских кругов; пополнение поэтического раздела переводами французских стихов А. П. Барятинского; публикация массовым тиражом уточненных текстов агитационных песен декабристов; весьма важное в издании подобного типа закрепление в своде произведений Кюхельбекера стихотворения «На смерть Чернова».⁶

Был опубликован ряд новых материалов из творческого наследия декабристов. Но поскольку среди публикаций архивных текстов преобладают источники исторического характера, доля же материалов, относящихся к художественному творчеству и судьбе его создателей, в их числе довольно скромна, мы отметим их в соответствующих разделах настоящего обзора, не выделяя в особую рубрику.

Останемся прежде всего на исследованиях (монографических и коллективных) теоретико-литературного и культуроведческого характера, затем — на трудах общего историко-литературного плана и, наконец, на работах, посвященных отдельным писателям-декабристам (конечно, рубрикация эта довольно условна, так как любой теоретико-литературный или эстетический вопрос рассматривается на конкретном историческом материале).

Неизменно откликается на декабристские юбилейные даты Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. К сборникам «Декабристы. Незаданные материалы и статьи» (1925), «Атеней. Историко-литературный вестник. 3. Памяти декабристов» (1926), «Декабристы и их время. Материалы и исследования» (1951) прибавился новый — «Литературное наследие декабристов» (1975). Участвовавшие в последнее время споры о романтизме не миновали, естественно, декабристской литературы. В частности, в ней вновь остро встал вопрос о соотношении романтических и просветительских элементов в творчестве декабристов. Этой проблеме посвящена опубликованная в указанном сборнике статья Г. П. Макогоненко «О романтическом герое декабристской поэзии».⁷ Утверждение и кризис идеологии и эстетики, связанных с философским и культурным наследием Великой французской революции и отечественного Просвещения, взаимопроникновение русской и западноевропейской романтических культур (в первую очередь байронизм и его различные модификации на русской почве) — вот круг основных вопросов, которые, опираясь на достижения своих предшественников (в частности, книгу Г. А. Гуковского «Пушкин и русские романтики»), затрагивает в своей статье ис-

⁴ О состоянии литературного декабристоведения на конец 60-х годов см.: Советское литературоведение за 50 лет. Л., 1968, с. 92—95.

⁵ Характеристика этого издания дана В. Э. Вапуру в заметках «К изучению „Дум“ К. Ф. Рыльева» («Русская литература», 1975, № 4, с. 101—107).

⁶ См. рецензию на двухтомник: Урбан А. Литература гражданского служения. — Звезда, 1975, № 12, с. 213—215.

⁷ Литературное наследие декабристов. Отв. редакторы В. Г. Базанов и В. Э. Вапуру. Л., 1975, с. 6—24. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

следователь. Наиболее важной в статье является, на наш взгляд, попытка проследить эволюцию декабристского романтизма — от зарождения типа мышления декабриста до каузна открытого выступления первых русских революционеров.

Декабристское романтическое мировосприятие является центральным аспектом и статьи Ю. М. Лотмана, но уже в совершенно другом плане, о чем говорит и ее название — «Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория)» (с. 25—74). История русского и мирового культурного процесса знает не так уж много примеров, подобных декабризму, когда сущность творимой культуры столь органически была слита с личностью ее творцов. Поведение молодого вольнодумца начала прошлого века в обществе, в дружеском кругу, на службе, родственные и светские связи, контакты с творческими союзниками либо оппонентами — все это определялось декабристской идейностью (и, в свою очередь, на нее влияло), налагало отпечаток на этику декабристов, которая, как мы хорошо знаем, была перасторжима с их эстетикой. В статье Ю. М. Лотмана это подтверждается многими конкретными примерами. В какой-то мере прорывается к ней по своему характеру статья А. Л. Вайнштейн и В. П. Павловой «Декабристы и салон Лаваль» (с. 165—194) — здесь тоже идет речь о взаимопроникновении семейных и дружеских контактов и того, что понимаем мы ныне под духовной культурой декабризма. «Подход к своему поведению как сознательно творимому по законам и образцам высоких текстов» (с. 71) — вот, по определению Ю. М. Лотмана, основа, сделавшая возможным подобное соприкосновение. Правда, создание выверенной методологии сопоставительного анализа «текста жизни» и «текста искусства» (с. 71) — пока еще задача будущего. На сегодняшний же день, при всех достоинствах работ подобного плана, они не свободны от подмеченной Д. С. Лихачевым тенденции «растворить литературоведение в культурологии. Произведения изучаются настолько открыто, не замкнуто в себе, как явления культуры, жизни, действительности, что... есть опасность выхода за пределы литературоведения вообще».⁸

Две работы сборника касаются духовных и творческих связей декабризма с XVIII веком. Н. Д. Кочеткова исследует традиции ораторской прозы XVIII столетия в декабристской литературе (с. 100—120), В. П. Степанов — связь политического и поэтического свободомыслия декабристов с предшествовавшей им «вольной» поэзией (с. 75—99). Статья А. В. Архиповой «Дворянская революционность в восприятии Ф. М. Достоевского» (с. 219—246) касается важной проблемы историко-культурной преемственности в русском освободительном движении — имеется в виду роль Достоевского в истории не только русской литературы, но и русских социалистических учений. Автором статьи привлекаются для анализа поставленной проблемы и публицистика Достоевского, в частности «Дневник писателя», и его эпистолярное наследие, и собственно художественное — в первую очередь «Бесы» и «Подрасток».

Некоторые аспекты этой проблемы нашли отражение в статье Н. Н. Скатова «Лучезарная точка в русских летописях (о нравственно-эстетическом опыте декабризма)».⁹ Здесь, кстати, с большей определенностью, чем в упомянутой статье Ю. М. Лотмана, проведено разграничение собственно декабристской и «околодекабристской» среды.

Нужно сказать, что отличительной чертой как сборника «Литературное наследие декабристов», так и предъюбилейной литературы о декабристах-писателях вообще является отсутствие работ обобщающего характера, объединяющих теоретические и историко-литературные аспекты декабристского литературоведения, подводящих его итоги и намечающих перспективы. Конечно, сборник статей не может заменить коллективной монографии о решенных на сегодняшний день или назревших проблемах изучения декабристской литературы — монографии, подобной той, которую выпустил Пушкинский дом в 1966 году применительно к творчеству Пушкина. И все же статьи-итога, статьи, сопоставимой с той, которую предпослала М. В. Нечкина 96 тому «Исторических записок»,¹⁰ сборнику «Литературное наследие декабристов» ощущаемо недостает.

⁸ Лихачев Д. С. Открывать литературу в литературе. — Лит. газ., 1976, 11 авг., № 32, с. 6.

⁹ Вопросы литературы, 1975, № 11, с. 136—162. К работам на эту тему, вышедшим в указанный период, относятся также: Демиховская О. А. И. А. Гончаров и декабристы. — Русская литература, 1975, № 4, с. 107—113; Козлов Н. С. Лев Толстой и декабристы. — Научные доклады высшей школы, философ. науки, 1976, № 6, с. 102—111.

¹⁰ Кстати, старейшим ученым-декабристоведам переиздана (с изменениями и дополнениями) книга «День 14 декабря 1825 года», где, в частности, рассказывается и о роли в восстании декабристов-литераторов, а также выпущена брошюра «Декабристы» (М., 1975) — своеобразный конспект ее капитального труда по истории декабристского движения.

* * *

Темой эстетических и общекультурных истоков декабристской литературы объединены статьи сборника «Декабристы и русская культура» (1975). Не имея возможности подробно охарактеризовать содержание этого сборника, в котором представлено не только литературоведение, остановимся на статье П. В. Соболева «Теория изящного — теория действия (о своеобразии эстетики декабристов)».¹¹ Ее автор внимательно анализирует возможные источники воззрений декабристов на литературу и искусство. Он тщательно выявляет, по чьим урокам, очным или заочным, в порядке прохождения официального курса наук или самообразования приобщались декабристы к отечественной и европейской культуре. Центральным аспектом анализа становится проблема декабристского романтизма. Прежде всего П. Соболев справедливо подчеркивает, что этот тип романтизма включает, «помимо „философии искусства“, учение о таких категориях и проблемах, которые относятся прежде всего к сфере проявления эстетического в действительности» (с. 113). Именно активность эстетического идеала явилась гранью, отделившей литературный декабризм от поэтической школы Жуковского, столь много давшей романтической поэзии первой трети века, не исключая и декабристской.

Эстетику декабристов П. В. Соболев рассматривает и с точки зрения созданного ею идеала человеческой личности, не только выявляя его нравственную высоту, но и утверждая, в духе работ Г. А. Гуковского, что проблему изображения человека романтики, декабристские в том числе, впервые в истории искусства решали как проблему изображения характера.¹² Этот идеал проходил проверку не только в творчестве, но и непосредственно в жизни его создателей. Наконец, третий аспект анализа декабристской эстетики в статье Соболева — воздействие искусства на общество. Здесь выделяется свойственная декабризму мысль о взаимозависимости этих сфер жизни.

Декабристская эстетика исследуется П. Соболевым в контексте эстетических трудов современников. Однако в статье содержится методологическая предпосылка, выявляющая в подобной комплексности и возможную опасность: «... мы будем учитывать... не только мнения самих декабристов, но и работы тех представителей эстетической мысли декабристской поры, о которых можно сказать, что они так или иначе в своих выступлениях выражали прогрессивно-преобразовательский дух эпохи» (с. 109). Автор объясняет — и резонно — эту предпосылку тем, что эстетика декабристов, при всем ее новаторстве, уходит своими корнями в почву идейной жизни и духовной культуры России 1810—1820-х годов. Однако если учесть, какое значение приобретает при таком анализе общность (подчас только словесная) выражения мыслей, невольно возникает вопрос: не станет ли размываться подобным образом понятие декабризма, будет ли достаточно четким разграничение декабристов и декабристского окружения?¹³

Теоретико-литературная полемика на страницах декабристской печати в контексте эстетических исканий эпохи — предмет статьи О. В. Астафьевой «Издатели „Полярной звезды“ и Пушкин об эстетическом идеале» (в кн.: Филологические этюды, вып. I. Изд. Ростовск. ун-та, 1972, с. 28—44).

Эстетические основы художественного творчества декабристов, их творческий метод и место в системе литературных направлений первой половины прошлого века глубоко и всесторонне исследованы в трудах В. А. Гофмана, А. Г. Цейтлина, Н. И. Мордовченко, А. Н. Соколова, Б. С. Мейлаха, Л. Я. Гиззбург. Особенно значительны в этом отношении исследования В. Г. Базанова — наблюдения по указанной проблематике его фундаментальных декабристоведческих трудов наиболее сжато сконцентрированы в статье «К вопросу о декабристском романтизме», а также в предисловии к собранию сочинений К. Ф. Рыльева,¹⁴ где мы найдем ценные замечания о сущности декабристского романтического историзма. В 60—70-е годы этот круг вопросов вновь привлек внимание ученых в связи с углублением разработки проблем романтизма. Приходится сразу признать, что работами, равными по своему теоретико-методологическому значению, новизне и богатству привлекаемого материала книгам, авторы которых названы выше, декабристское литературоведение последних лет не пополнилось. Но все же исследователям удалось наметить ряд интересных и творчески перспективных аспектов изучения избранных ими тем.

¹¹ Декабристы и русская культура. Л., 1975, с. 107—142. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

¹² См. также упомянутую статью Г. П. Макогоненко «О романтическом герое декабристской поэзии» (в кн.: Литературное наследие декабристов, с. 6—24).

¹³ На опасность смешения этих понятий справедливо внимание обратил в своем выступлении на конференции «Декабристы и русская культура», состоявшейся в Иркутске в сентябре 1975 года, Н. Я. Эйдельман.

¹⁴ См.: Базанов В. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.—Л., 1961, с. 5—34; Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956, с. 5—39.

В некоторых трудах была высказана мысль о том, что глубина и сила тенденций просветительского наследия в русской литературе первой четверти XIX века исключают возможность отнесения хотя бы каких-то ее произведений к романтизму, в крайнем случае в ней усматривались лишь частичные соприкосновения с романтизмом, «подступы» к нему. Характерны сами названия некоторых статей, например А. М. Гуревича: «Романтики или „классики“?» («Вопросы литературы», 1966, № 2); «На подступах к романтизму (о русской лирике 1820-х годов)» (в кн.: Проблемы романтизма, вып. 1. М., 1966). Эта точка зрения была поддержана В. М. Марковичем в его статье «„Герой нашего времени“ и становление реализма в русском романе» («Русская литература», 1967, № 4, с. 46—66). С вполне обоснованной критикой подобных утверждений выступила Е. М. Пульхритудова в статье «Романтическое и просветительское в декабристской литературе 20-х годов XIX века».¹⁵ Она справедливо отмечает, что «просветительские элементы отнюдь не являются монопольной привилегией русского гражданского романтизма 20-х годов — они отличают общеевропейское романтическое движение на определенном этапе его развития» (с. 42), и проследживает эти элементы в поэзии элегиков школы Жуковского. Признавая бесспорное влияние просветительской идеологии и поэтики на лиро-эпические произведения Рылеева, Е. Пульхритудова одновременно выявляет характерные для исканий европейского романтизма трактовки героев («Дум»). Принципиально важно отмеченное Е. Пульхритудовой завоевание романтического художественного метода, проявившееся в созданном Рылеевым образе Мазепы («Петр Великий в Острожной»). Не «недвусмысленно ясный злодей», а фигура противоречивая, в чем-то загадочная и таинственная, образ Мазепы свидетельствует об уверенном овладении Рылеевым арсеналом романтической эстетики.

Обращаясь к творчеству Кюхельбекера, Е. Пульхритудова отмечает, что взаимопроникновение просветительских и романтических тенденций в его поэзии — не процесс постепенного изживания классицистических и просветительских элементов и постепенного нарастания романтизма, а нечто более сложное. Ранний Кюхельбекер — поэт отчетливо выраженного романтического мировосприятия, не менее очевидного, чем это можно говорить о поэтах, безоговорочно верных заветам Жуковского. Перелом в мироощущении этого поэта, переход его на позиции «младархаистов» (по определению Ю. Н. Тынянова) объясняется в статье не разрывом с романтическими настроениями, а трансформацией их в новое качество, обусловленное как сугубо творческими, так и социальными причинами. Говоря о додекабрьском творчестве А. Бестужева, Е. Пульхритудова подчеркивает не полемику его поэзии по отношению к творческому наследию Карамзина, Жуковского и деятельность молодого Пушкина (что неоднократно и справедливо отмечалось в науке), а как раз то, что объединяло его с творчеством этих писателей. Дополнив свои наблюдения разбором прозы Марлинского, автор статьи делает убедительно подтвержденный всем ходом ее анализа вывод: «Творчество А. Бестужева, Кюхельбекера и Рылеева было органической и необходимой частью общеромантического движения своего времени» (с. 72).

Интересно, что в разговоре о романтической природе произведений раннего Марлинского Е. Пульхритудова касается и жанрового аспекта этой темы, соприкосновения структуры его повестей с элементами построения романтической поэмы, баллады, дружеского послания «давыдовской» тональности. В ее статье эта линия, однако, остается побочной. А вот в разделе о революционном романтизме декабристов книги Е. А. Маймина «О русском романтизме» (1975) она становится одной из ведущих.

Прежде всего Е. А. Маймин отмечает, что главный принцип поэтики Жуковского «все душа и все для души» (как сформулировал его еще П. А. Вяземский) целиком распространяется и на поэзию декабристов с ее глубоким эмоциональным наполнением, гражданской тематикой, что самое «их трагическое одиночество, их заведомая обреченность, их подвижность и посмертная слава»¹⁶ делали их подлинно романтическими героями, органически соединяя жизненную и творческую позицию. Как и Е. Пульхритудова, он напоминает, что взаимопроникновение романтических и просветительских тенденций в творчестве декабристов — явление не исключительное для их времени, а характерная национальная черта русского романтизма на данном его этапе. Переходя к конкретному анализу рылеевских стихотворений, исследователь отмечает такую, свойственную именно романтической поэзии тенденцию, как слияние и взаимопроникновение жанровых образований. Здесь и сочетание одического и элегического начал различного типа («На смерть Байрона», «Я ль буду в роковое время...», «К Н. Н.»), и произведения, где жанровая стилистика выступает в более «чистом» виде, лишь оттеняя, по замечанию Е. А. Маймина, пристрастие поэта к жанрам смешанным (с. 58). Подобная анти-

¹⁵ В кн.: К истории русского романтизма. М., 1973, с. 39—72. Далее ссылки на эту статью даются в тексте.

¹⁶ Маймин Е. А. О русском романтизме. М., 1975, с. 53. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

нормативность — тоже убедительное доказательство романтической природы рылеевской лирики.

Обращаясь к «Думам», исследователь высказывает любопытное и никогда ранее не выдвигавшееся (хотя и нуждающееся в более фундаментальном обосновании) положение о притчевом характере некоторых из них. Осознавая связь «Дум» с поэтикой высокого Просвещения, он справедливо усматривает преобладающее в них романтическое начало в пристальном интересе к национальной истории, тяготении к остро сюжетным построениям и — что особенно важно — в принципах построения характеров. Интересен в этом плане анализ внутренней сложности, неоднородности характера человека сильных страстей, человека добра и зла одновременно — Бориса Годунова (с. 63). Столь же ценное достижение многоаспектного исследования «Войнаровского» — выявление стремления поэта создать еще один противоречивый образ «человека добра и зла» — тип характера, принципы воспроизведения которого творчески развили, восприняв у Карамзина, именно писатели-романтики.

Уже в 1976 году вышло в свет исследование Ю. В. Манна «Поэтика русского романтизма». Характеризуя различные типы и стороны проявления характерных для романтизма конфликтных отношений в поэме, повести и драме 20—30-х годов, исследователь обращается и к произведениям литераторов-декабристов. Здесь их творчество рассматривается на широком историко-литературном фоне; так, поэма Рылеева дается в контексте художественных исканий не только Пушкина, но и Козлова, и Вельтмана, и ряда других поэтов. Автор выдвигает и обосновывает понятие «романтического отчуждения» центрального персонажа применительно к «Войнаровскому», к незаконченным рылеевским поэмам, прослеживает пути и методы его осуществления. «То, что часто называют активным, гражданским и т. д. романтизмом, может быть, с точки зрения поэтики, локализовано. Иначе говоря, это качество локализуется прежде всего в содержании мотивировки»,¹⁷ — подчеркивает Ю. Мани.

Характеризуя поэтику русской романтической прозы, Ю. Мани анализирует постепенное усложнение мотивировки хода событий и характеров персонажей у Бестужева-Марлинского от довольно прямолинейной и однозначной в ранних повестях до романтической двуплановости и недифференцированности моральных оценок «Фрегата „Надежды“». Автор монографии рассматривает различные формы воплощения романтического конфликта в рамках сюжета, построенного на историческом или национальном материале: «национальное как полнокровная сфера романтического конфликта; романтический конфликт в развитой „европейской“ сфере (конкретно в сфере автора) в соотношении с целью, лишенной конфликтных симптомов национальной почвой; наконец, романтические конфликты и в развитой и в „естественной“ сфере, в их сложном соотношении и иерархии».¹⁸ Проявлением каждого из этих трех принципов в творчестве классика романтической прозы в России Ю. Мани считает соответственно повести «Мулла-Нур», «Мореход Никитин» и «Аммалат-бек». Можно спорить о правомерности такого разделения (в частности, в книге не очень четко разграничены первый и третий из отмеченных Ю. Манном типов), но самая попытка разработки типологии романтической конфликтности представляется нам весьма существенной для изучения последней.

Наконец, Ю. В. Мани рассматривает и столь широкую проблему, как романтический конфликт в его проническом построении и преодолении на примере, в частности, «Странного гадания» Марлинского и мистерии Кюхельбекера «Ижорский». Следует заметить, что и эта проблематика дается в широком контексте (от Погодина и Павлова до Лермонтова и Гоголя).

Вышедшие в канун декабристского юбилея работы П. В. Соболева, Е. М. Пульхритудовой, Е. А. Маймина,¹⁹ а также труды, посвященные более частным вопросам или отдельным авторам, о которых речь пойдет ниже, показывают, что тема творческого метода декабристов далеко еще не исчерпана. Конечно, ее дальнейшее изучение потребует неизбежного выхода за рамки декабристской литературы, обращения к творческому опыту писателей-романтиков 20—30-х годов XIX века, в первую очередь М. Ю. Лермонтова. Это подтвердили последние дискуссии о романтизме,

¹⁷ Мани Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976, с. 126.

¹⁸ Там же, с. 325.

¹⁹ Отметим еще главу «Романтическая школа декабристов» в книге А. М. Микешина «Исторические судьбы русской романтической поэзии» (ч. 1. Кемерово, 1973, с. 98—157). Она в какой-то мере конденсирует достижения современной науки о русском романтизме, так как, помимо собственных наблюдений исследователя, содержит элементы историко-литературного обзора. Конкретно-исторический подход автора к оценке декабристского романтизма на фоне имевших в последнее время место вневременных оценок этого понятия заслуживает признания. Но работа отмечена и рядом упущений — неоправданным принижением отдельных тенденций русского литературного процесса начала века, произвольностью объединения некоторых писателей в те или иные группировки; не всегда учитываются достижения историко-литературной науки при трактовке вопросов декабристского историзма.

работы В. А. Мануйлова, К. Н. Григорьяна, У. Р. Фохта, Б. Т. Удодова, Н. А. Гуляева и др. Однако литературное декабристоведение, нам кажется, может и должно стать творческим «пладармом» для решения важнейших вопросов истории, теории и методологии литературной науки.

* * *

Главной сферой литературной деятельности декабристов была поэзия. Именно как поэты они более всего известны сегодня массовому читателю. Этим, конечно, и обусловлено то обстоятельство, что в преддверии декабристского юбилея вышла предназначенная для самых широких читательских кругов книга Л. Г. Фризмана «Поэзия декабристов» (1974). Тема эта, конечно, слишком обширна, чтобы ее можно было достаточно полно осветить на 60 страницах книжки небольшого формата. Л. Г. Фризман пишет о сложных законах жанровой трансформации в поэзии декабристов, о свойственных ей видоизменениях оды, элегии, послания, о появлении новых жанров. Исследователь рассматривает не только общественное содержание, но и поэтику стихотворения «На смерть Чернова» Кюхельбекера, стих и ритм исторических баллад Одоевского, эволюцию решения темы «герой и народ» от поэмы Рыльева «Войнаровский» к поэме Одоевского «Василько».

Другая работа, ставящая проблемы изучения поэзии декабристского лагеря комплексно, — статья А. А. Илюшина «О поэзии декабристов».²⁰ Исследователь ориентирует на изучение целостности вклада декабристов в современное им и последующее развитие поэтической культуры. Терминология, предложенная им, несколько рискованна — вплоть до конструирования некоего «собирательного» облика поэта-декабриста, но направление его поиска заслуживает внимания — ведь действительно зачастую этот вклад оказывался в большей мере заметным как яркий след, оставленный декабристской поэзией в целом, чем связанным с чьей-либо индивидуальностью. Это поможет нам и уточнить не только исторически, но и типологически самое понятие «поэт-декабрист».

В монографии Ю. С. Постнова «Сибирь в поэзии декабристов» (Новосибирск, 1976) речь идет о раскрытии в декабристской литературе темы, ставшей для нее одной из ведущих еще до периода ссылки.

Несколько работ посвящено исследованию деятельности писателей-декабристов старшего поколения. Работа Э. Н. Киреевой «Катенин и Пушкин»²¹ имеет подзаголовок «Проблема историзма». В ней соотносятся литературно-критические заметки Пушкина 30-х годов с катенинскими заметками «О поэзии испанской и португальской», «О поэзии греческой», «О поэзии итальянской», письмами Катенина к А. М. Колосовой и Н. И. Бахтину. В работе В. С. Киселева-Сергенина «Из литературного наследия П. А. Катенина»²² рассматривается последнее катенинское произведение — басня «Охотник до птиц», опубликованная в 1841 году в «Москвитянине». В ней стареющий декабрист, как показывает исследователь, занял позицию, сходную с позицией Пушкина последних лет его жизни: он едко высмеял «торговое направление» литературы, превратившуюся в орган предпринимательства прессу, поощряющую ремесленническую поэзию и «приобшавшую» к литературе неизмеримо расплодившихся эпигонов, не имеющих собственного творческого лица (не без оснований вспоминается тут пушкинское «Соловей и кукушка»). Анализ басни позволяет поставить под сомнение справедливость весьма распространенного мнения об отходе Катенина 30—40-х годов от насущных задач литературы. Следует отметить, что автор статьи соблюдает должное чувство меры — он подчеркивает и существенное расхождение содержания басни с пушкинской эстетикой, заключающееся в искусственном противопоставлении Катениным стремления к гармонии и красоте поэтической формы и любви к «изящному» — правде и многосторонности постижения жизни искусством.

В течение последних лет вышел ряд работ А. Г. Колесникова, посвященных биографии и творчеству В. Ф. Раевского: «О судьбе прозаических сочинений В. Ф. Раевского», «Стихотворные сочинения В. Ф. Раевского и их судьба», «В. Ф. Раевский о положении в царской армии накануне восстания декабристов», «В. Ф. Раевский и советское декабристоведение».²³ Итог многолетним трудам учебного подвела книга «В. Ф. Раевский. Политическая и литературная деятельность» (изд. Ростовск. ун-та, 1977). Первый раздел этой книги — историографический. В нем приводятся и анализируются результаты изучения творчества поэта-декабриста почти за столетие, учтено более ста работ, специальных и общих, от «Энциклопеди-

²⁰ Вестник МГУ, филология, 1975, № 6, с. 3—8.

²¹ В кн.: Вопросы художественного метода, жанра и характера в русской литературе XVIII—XIX веков. М., 1975, с. 68—81.

²² Научные доклады высшей школы, филол. науки, 1974, № 3, с. 79—87.

²³ Научн. тр. Кубанск. ун-та, 1974, вып. 183, с. 22—34; Изв. Северо-Кавказск. научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук, 1975, № 4, с. 50—56; Филологические этюды, вып. I, с. 5—27; вып. II, 1974, с. 5—27.

ческого словаря» Брокгауза и Ефрона до вузовских «Ученых записок» 1960-х годов, от П. В. Анненкова до современных и коллег автора монографии. Вторая часть носит источниковедческий и отчасти текстологический характер. Опираясь на собственные разыскания и на работы своих предшественников (в первую очередь В. Г. Базанова, а также П. С. Бейсова, С. Ф. Ковалея и ряда других), А. Г. Колесникова предпринимает попытку свести воедино все известные на сегодняшний день сведения о текстах Раевского, как опубликованных в различных, нередко почти забытых, изданиях, так и архивных. Речь идет не только о творческих рукописях (поэзия, проза, публицистика, литературная критика), но и о письмах, дневниках, а также о посвященных Раевскому мемуарах, официальных документах. Существенным дополнением раздела являются приложенные к книге перечни произведений и писем Раевского и составленный по данным одиннадцати архивохранилищ реестр всех фондов последних, где исследователь может познакомиться с материалами самого декабриста и о нем. Третья часть представляет собою публикацию по автографам новых текстов. Это — десять стихотворений и стихотворных набросков, 7 прозаических отрывков, 6 писем, 5 составленных в ходе следствия и суда документов, запись дневникового характера, а также отрывок из воспоминаний о декабристе. Подробный анализ этих материалов потребовал бы особой рецензии, отметим лишь, что за охватываемый период это — самая крупная и существенная публикация наследия декабристов-литераторов. Самый жанр исследования А. Г. Колесникова для современного литературоведения довольно необычен. Думается, подобный опыт (во всяком случае, применительно к подведению итогов изучения писателя, творческое наследие которого невелико по объему) заслуживает внимания.

Еще одна работа о «первом декабристе» — статья Г. Ф. Богача «Пловец и Арион (А. С. Пушкин и В. Ф. Раевский)»²⁴ — построена на предположении, что стихотворения Пушкина, адресованные Раевскому («Не тем горжусь я, мой певец...», «Недаром ты ко мне воззвал...», «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»), являются ответом не на широко известные стихи, а на утраченное послание декабриста к великому поэту (наличие такового утверждал И. П. Липранди). Г. Ф. Богач, анализируя рукописи Раевского и пушкинские тексты (как ответы на стихи декабриста), пытается гипотетически реконструировать содержание этого послания.

Р. В. Иезуитова в своем сообщении «К истории ссылки Ф. Н. Глинки (1826—1834). По архивным материалам»²⁵ рассказывает о малоизвестных страницах жизни одного из видных деятелей раннего декабризма.

Жизнь и творчество одного из политических и поэтических лидеров декабризма К. Ф. Рыльева, глубоко и основательно исследованные, в последние годы подвергались монографическому изучению нечасто. Само собою разумелось, что ни одно исследование о декабристской эстетике и поэтике этого имени миновать не могло. Из сравнительно новых работ укажем статью А. В. Архиповой «К. Рылеев. „Я ль буду в роковое время...“»,²⁶ выполненную в редком, к сожалению, ныне жанре исследования поэтики одного стихотворения; сообщение Л. Г. Фризмана «Дума Рыльева „Видение Анны Иоановны“»,²⁷ вносящее уточнение в историю текста этой думы; заметку М. И. Гиллельсона «По следам воспоминаний о К. Ф. Рылееве»,²⁸ вводящую в круг известных широкому читателю мемуаристов слугу Кондратия Федоровича. «Искусство психологического изображения человека в думе „Иван Сусанин“ К. Ф. Рыльева» — так озаглавлена работа В. Г. Шоминой (в кн.: Вопросы романтизма. Межвузовский сборник, вып. 2. Калинин, 1975, с. 15—26). Две работы о становлении эпического мастерства Рыльева, о том, как накапливались еще в «Думах» художественные элементы, ставшие основой его поэм, о рылеевских поэмах как объединенном общим замыслом цикле написаны автором этих строк.²⁹

Среди материалов 36 выпуска «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина есть чрезвычайно важная для изучения наследия декабристов-литераторов статья Е. П. Мстиславской «Творческие рукописи В. К. Кюхельбекера» (с. 5—37). Эта статья содержит подробнейшее описание рукописей декабриста, хранящихся не только в ГБЛ, но и в таких архивохранилищах, как ЦГАЛИ, ЦГАОР, ГИМ, ГПБ, ИРЛИ. Исследовательница подробнейшим образом рассказывает о том, как формировался фонд Кюхельбекера в каждом из архивов, о происхождении и судьбе отдельных документов, о том, как помогает их анализ уточнить данные творческой истории того или иного текста. Особо следует остановиться на анализе Е. П. Мстиславской второй части незаконченной книги лирики Кюхельбекера «Песни отшельника», беловой автограф которой хранится в ГБЛ. Самый факт создания заточенным поэтом именно книги лирики внимания литера-

²⁴ Сибирь, 1975, № 3, с. 85—97.

²⁵ В кн.: Литературное наследие декабристов, с. 323—346.

²⁶ В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 64—77.

²⁷ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, № 2, с. 161—165.

²⁸ Звезда, 1975, № 12, с. 146—153.

²⁹ Ходоров А. Е. 1) Украинские сюжеты поэзии К. Ф. Рыльева. — В кн.: Литературное наследие декабристов, с. 121—141; 2) Зачинатель декабристского эпоса. — В кн.: Декабристы и русская культура, с. 143—168.

туроведов еще не привлекал. Е. П. Мстиславская отмечает, что факт этот связан с ростом интереса читателя к личности автора и его лирике в целом, чутко уловленного Кюхельбекером. Книга воспринималась иначе, чем отдельное стихотворение или даже цикл, так как от нее ожидали «целостного выражения духовного опыта поэта, его эстетической позиции» (с. 33), она отражала стремление поэта ретроспективно обобщить накопленный опыт, а читателя (Кюхельбекера не оставляла надежда напечатать «Песни...») — как бы непосредственно общаться с поэтом.

В статье рассматриваются группы и циклы стихов, связанные единством темы, принципы их объединения в книге и сущность их внутренней связи между собою, характер перехода от одного цикла к другому. Отмечается, что «каждый цикл организован по принципу ассоциативной связи с контрастными включениями или логической — с ассоциативными и контрастными включениями» (с. 35). С этой точки зрения Е. П. Мстиславская исследует многоплановость духовной лирики Кюхельбекера, в частности его псалмов, взаимосвязь тем гонения и страданий, верности гражданскому идеалу, высокой миссии пророка, динамику их взаимопроникновения. Весь сборник, как доказывает исследовательница, осмыслен как большая лирическая форма — «многочастная, стилистически многослойная разножанровая структура, отдельные элементы которой взаимосвязаны. Расположение их взаимно обусловлено. Каждый цикл воспринимается как фрагмент лирического повествования» (с. 35). Так как один цикл благодаря промежуточным стихотворениям переходит в другой, то «контрасты в сопоставлении обнаруживают осознанные поэтом внутренние связи отдельных событий и явлений», все же вместе «песни» — «размышления над эпизодами отдельной судьбы» (с. 36). Закономерно подчеркивается, что в построении книги поэт исходит более из личного опыта, чем из традиций романтической лирики. Статья Е. П. Мстиславской свидетельствует о том, сколь важны декабристоведческие исследования не только для истории, но и для теории поэзии — книга лирики как жанровое единство в нашем литературоведении почти совершенно не изучена. В другой статье того же автора — «Свобода, изобретение и новость...»³⁰ — подвергаются стилистическому анализу некоторые стихотворения последнего периода жизни поэта.

Творчество Кюхельбекера является одной из центральных тем и статьи Е. М. Пульхритудовой «О жанровой дифференциации романтической поэмы 30-х годов XIX века».³¹ Основной аспект анализа здесь — жанровая специфика мистерии «Ижорский» и драмы «Иван, купецкий сын». Исследовательница рассматривает проявившиеся в них тенденции исканий (в том числе и жанровых) не только русских, но и других славянских романтиков (в первую очередь Ю. Словацкого). Жанр «Ижорского» и «Ивана, купецкого сына» Е. М. Пульхритудова определяет как символично-философскую драматическую поэму и прежде всего с именем Кюхельбекера связывает утверждение этого жанрового образования в русской романтической поэзии.

«Словарю» Кюхельбекера, впервые охарактеризованному в работе Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер» (в кн.: Лит. наследство, т. 16—18, 1934, с. 321—378), посвящены две работы Б. С. Мейлаха.³² В статье Г. И. Седых «Порыв к великому, любовь к добру...»³³ содержится ряд интересных наблюдений над «реконструкцией семантики поэтизма», поэтической лексикой в стихах Кюхельбекера. Два материала об этом поэте помещены в сборнике «Литературное наследие декабристов»: один из них посвящен неосуществленному Кюхельбекером плану издания критического журнала, основа второго — публикация чернового автографа декабриста периода сибирской ссылки.³⁴ Отметим еще очерк А. М. Васильевой «Поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер», вышедший в 1974 году в Кургане, бывшем одним из мест ссылки поэта, статью Л. Г. Беспаловой «В. К. Кюхельбекер в Тобольской губернии» (Научные тр. Тюменск. ун-та, 1975, сб. 14, с. 62—83), статью М. Г. Альтшуллера в № 6 журнала «Литература в школе» за 1974 год «Два стихотворения на лицейскую годовщину (Пушкин и Кюхельбекер)», подвергающую сопоставительному анализу пушкинский шедевр «19 октября» (1825 года) и стихотворение декабриста на аналогичную тему 1838 года, его же работу «Источник повести В. К. Кюхельбекера „Осада города Обиньи“» («Русская литература», 1975, № 4, с. 99—100).

О замечательном поэте А. И. Одоевском исследования в последние годы появлялись сравнительно редко. После работ М. А. Цейтлина (1956) и В. Г. Базанова

³⁰ Русская речь, 1975, № 6, с. 20—24.

³¹ В кн.: Европейский романтизм. М.—Л., 1973, с. 253—278.

³² Мейлах Б. С. 1) Из неизданного литературного наследия декабристов. «Словарь» В. К. Кюхельбекера (история замысла, идеи, структура). — В кн.: Декабристы и русская культура, с. 185—204; 2) Заветный «Словарь» В. К. Кюхельбекера. — Вопросы литературы, 1975, № 11, с. 195—206.

³³ Русская речь, 1975, № 4, с. 21—27.

³⁴ Г л а с с е А. Критический журнал «Комета» В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского. — В кн.: Литературное наследие декабристов, с. 280—285; Ар х и п о в а А. В. «Баргузинская сказка» В. К. Кюхельбекера. — Там же, с. 285—289.

(1961) трудов, охватывающих творческое наследие Одоевского в комплексе различных поставленных им перед литературной наукой проблем, в свет не выходило. Оно отчасти затрагивалось в общих работах о поэзии 30-х годов (например, в книге И. М. Семенко «Поэты пушкинской поры» (1972), статья В. С. Киселева-Сергенина о декабристах после декабря в двухтомном своде ИРЛИ «История русской поэзии»). Однако отдельные вопросы изучения наследия поэта-декабриста поднимались на страницах журналов и ученых записок ряда институтов. В предъюбилейные дни именно их авторы вновь вернулись к творчеству Одоевского. Итог своим многолетним наблюдениям над его поэзией подвел в статье — увы, последней в своей жизни — текстолог и комментатор последнего издания полного собрания стихотворений декабриста М. А. Брискман. Его работа «Лирический герой декабристской поэзии периода каторги и ссылки»³⁵ освещает поставленную в заглавии тему на примерах творчества В. Ф. Раевского, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера и даже непрофессиональных поэтов, но именно творчество Одоевского служит исследователю основой базой анализа процессов, происходивших в поэзии декабристов в 30-е годы, трансформации в ней облика лирического героя-свободолюбца, исторической темы, образа поэта-гражданина. Работа эта имеет и историографическое значение, так как аккумулирует итоги изучения Одоевского и поэтического декабризма 30-х годов в целом в трудах других исследователей конца 60-х — начала 70-х годов (Н. В. Королевой, И. М. Семенко, Н. Б. Подвицкого, И. А. Стрельниковой, Н. Г. Деревинной). В ней анализируются как позитивные результаты этих трудов, так и проблемы, оставшиеся нерешенными либо решенные, по мнению исследователя, спорно.

Александр Иванович Одоевский — постоянный «объект» научных интересов И. А. Стрельниковой и Н. Г. Ларионовой (Деревинной). Именно эти исследователи внесли главную лепту в изучение его творчества в период подготовки к декабристскому юбилею. Перу И. А. Стрельниковой принадлежат статьи «Поэзия А. И. Одоевского и декабристская литературная традиция 20-х годов (к проблеме героя)»³⁶ и «О развитии метода декабристской поэзии в 30-е годы XIX века».³⁷ В первой из них на примере творчества Одоевского исследуется эволюция принципов декабристской поэзии, обусловленная спецификой последекабрьской эпохи. Мотив бытия как непрекращающегося «борения» остается для Одоевского ведущим, и это, как подчеркивает исследовательница, делает его поэзию родственной в ее идейно-эстетической доминанте и Рылеву, и Лермонтову. Именно в этом плане рассматриваются стихотворения «Узница Востока», «Недвижимы, как мертвые в гробах...», «Элегия» (1829) и др.

Говоря о лирическом герое Одоевского, о его склонности к самоанализу, скепсису, автор статьи все же подчеркивает, что «политические романтики» — декабристы вносили в атмосферу 30-х годов напоминание о гражданской ответственности каждого. Становление героя декабристской поэзии не пресеклось (здесь И. А. Стрельникова полемизирует с Л. Я. Гинзбург), а развивалось и качественно менялось — Одоевский и Кюхельбекер «создают своих усложненных, более противоречивых и в большей степени психологически конкретных героев» (с. 13).

Примечательно, что в содержательной статье И. А. Стрельниковой тщательно анализируется не только идейно-философская проблематика, но и поэтика стихотворений Одоевского — композиционное построение колыбельной «Спи, мой младенец...», ритмическая основа стихотворения «Что за кочевья чернеются...» (здесь автор включается в спор А. Жовтиса и М. Гаспарова), выявляется нравственный пафос «Элегии» 1829 года через систему метафор и сравнений.

Во второй своей статье И. А. Стрельникова более подробно останавливается на диалектике просветительского (слова-сигналы, одическая декламационность) и романтического у Одоевского, привлекая такие стихотворения, как «Струн вещей пламенные звуки...», «Тризна», «Дева. 1610 г.», выдвигая как критерий их оценки уже не декларативность и риторичность, но принципиально новое качество — публицистичность. Говоря о стихотворении «Последняя надежда», исследовательница анализирует соотношение его логически-смысловой основы и интонационно-звукового содержания стиха, передающего внутреннее состояние лирического субъекта. Она выявляет в творчестве поэта глубокий и органический синтез лирического и публицистического, политической тенденциозности и раскрывающей внутренний мир личности субъективности («Тебя уж нет...», «Элегия. (На смерть А. С. Грибоедова)», «Куда несетесь вы, крылатые станицы?..»). Все в большей мере осваиваются Одоевским завоевания субъективно-психологического лиризма Жуковского, что доказывается на конкретном анализе стихотворений «Зачем ночная тишина...», «Элегия. (На смерть А. С. Грибоедова)» и «Моя Пери». Это свидетельствует, что декабристская модификация романтизма становится более многогранной по содержанию и разнообразной по стилю.

³⁵ В кн.: Декабристы и русская культура, с. 169—184.

³⁶ Научные тр. Барнаульск. пед. ин-та, 1972, т. 20, с. 3—17.

³⁷ Научные тр. Куйбышевск. пед. ин-та, 1974, т. 155, с. 3—16.

В статье Н. Г. Деревинной-Ларионовой «Слово в поэзии А. И. Одоевского»³⁸ проводится любопытный стилистически-сопоставительный анализ баллад «Зосима» и «Кутья», в ходе которого мы можем убедиться, как тонкое ощущение поэтом оттенков звучания слова определяет контрастную тональность двух произведений. Другая статья этого же автора «Актуальные проблемы изучения жизни и творчества А. И. Одоевского»³⁹ в источниковедческой своей части ориентирует исследователей на такие источники уточнения фактов биографии Одоевского различных периодов, как в первую очередь дневниковые записи друга его юности К. С. Сербиновича, а также письмо отца декабриста П. Н. Ивашева сыну (позволяющее, кстати, более точно осветить обстоятельства встречи Одоевского и Лермонтова) и ряд других. Делается также попытка охарактеризовать эпистолярное наследие Одоевского (исследовательное и даже просто обследованное очень мало), в том числе ненайденную его часть, о наличии и содержании которой можно судить по другим источникам. Текстологическая часть статьи — это, во-первых, попытка свести воедино сведения об утраченных произведениях А. И. Одоевского (здесь мы найдем дополнения к реестру М. К. Азадовского в 59 томе «Литературного наследства»), во-вторых, возвращение к вопросу об атрибуции декабристу нескольких стихотворений. Н. Г. Ларионова приводит аргументы против перевода М. А. Брискманом в основной корпус произведений поэта стихотворений «Иоанн Преподобный», «Дифирамб», «Два духа» из раздела приписываемого и против изъятия даже из этого раздела стихотворения «Луна». Доводы эти, конечно, не могут считаться исчерпывающими и нуждаются в дальнейшем обосновании.

И, наконец, еще одна работа Н. Г. Ларионовой — «К изучению поэзии А. И. Одоевского (по архивным материалам)»⁴⁰ — посвящена анализу материалов ИРЛИ, ЦГАОР, ЦГАЛИ, ГБЛ, ГПБ, который позволяет уточнить текст стихотворения «Недвижимы, как мертвые в гробах...», датировку ответа декабристов Пушкину «Струн вещей пламенные звуки...», атрибуцию четверостишия «В темнице чувствами высокими дыша...».

Особенно интенсивно изучалось в последние годы творчество А. А. Бестужева-Марлинского. Усиленное внимание теоретиков и историков литературы к жанру повести на самых различных этапах ее развития, естественно, повлекло и обострение интереса к творчеству писателя, бывшего одним из ведущих мастеров этого жанра в 20—30-е годы прошлого века. В ряду исследований о нем существенное место занимает капитальная монография Ф. З. Кануновой «Эстетика русской романтической повести. (А. А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20—30-х годов XIX в.)» (Томск, 1973).⁴¹

В советской литературоведческой науке существует богатая традиция изучения А. А. Бестужева — достаточно назвать имена М. П. Алексеева, Н. Л. Степанова, Н. И. Мордовченко, Н. И. Маслина, С. Г. Исакова, В. Э. Вадура и ряд других. Творчество писателя-декабриста капитально обследовано В. Г. Базановым в первую очередь с точки зрения его источников — биографических, литературных и особенно фольклорных и этнографических. Доминирующее направление исследования Ф. З. Кануновой — жанровый аспект творчества Бестужева, а также проблема соотношения личности героя и истории в этом творчестве. В рамках данного обзора мы можем остановиться лишь на наиболее существенных вопросах, поднятых и освещенных в книге Кануновой.

Как характерная особенность творчества Бестужева-прозаика отмечается, с одной стороны, «тщательно выписанный Бестужевым внешний мир, черты местного колорита, окружение героя конкретным национально-этнографическим, историческим материалом», с другой — яркая печать субъективизма, который обусловил «отрыв... от конкретной исторической и социальной почвы, накладывал на них (героев, — А. Х.) печать однообразия, повторяемости одних и тех же „определяющих“ черт», и в силу этого «романтический герой соотнесен с *целым* миром, но отнюдь не обусловлен *конкретной* социально-исторической средой» (с. 31). Трансформацию этого характернейшего противоречия романтического мировосприятия на различных этапах творчества Бестужева Канунова и прослеживает в своей монографии. Анализируя раннюю прозу декабриста, исследовательница подчеркивает, что, в отличие от предшествующего этапа исторически-художественного повествования, Бестужев «не противопоставляет познавательную и идеальную функции искусства. В его исторических повестях, начиная с „Поездки в Ревель“, значительное внимание уделяется проблеме исторической достоверности», освещенной «декабристским взглядом на вещи» (с. 48).

³⁸ Русская речь, 1975, № 6, с. 32—38.

³⁹ Вестник МГУ, филология, 1975, № 6, с. 9—24.

⁴⁰ Там же, 1976, № 6, с. 18—28.

⁴¹ Вторая глава монографии существенно дополнена статьей того же автора «Жанровое своеобразие ранних повестей А. Бестужева» (в кн.: Мастерство писателя и проблемы жанра. Томск, 1975, с. 81—99 (Учен. зап. Томск. ун-та им. В. В. Куйбышева, 1975, № 94)).

Обращаясь к повестям Бестужева 30-х годов, Ф. З. Канунова отмечает, что доминантой творчества писателя-декабриста было утверждение активности человека. Одновременно исследовательница, анализируя как эпистолярное, так и художественное наследие Бестужева той поры (в первую очередь повесть «Фрегат „Надежда“»), подчеркивает неприятие верным декабристскому этическому идеалу писателем эгоцентризма «сильной личности», своеобразия подхода его к вновь остро вспыхнувшей в сознании русского общества «наполеоновской проблеме» (см. с. 154—161).

Кавказские повести Бестужева всесторонне и обстоятельно исследованы в монографии В. Г. Базанова. Однако и здесь томский филолог находит своеобразный аспект освещения. Она вводит эти повести в контекст общесторических и, в частности, историографических интересов писателя-декабриста, показывая, как сказалося на «кавказском» периоде его творчества освоение опыта французских историографов, в первую очередь Тьерри. Тщательным анализом «Аммалат-бека» и ряда других произведений доказывается, что для повествователя-романтика проблема национального колорита — этого необходимейшего, в его понимании, элемента исторической достоверности — решалась в первую очередь как проблема воспроизведения национально обусловленного характера (здесь Ф. З. Канунова следует исследовательским традициям Г. А. Гуковского). Обращаясь к теме «Марлинский и Вальтер Скотт» (она, естественно, затрагивается еще в разделе о «ливонских» повестях и особенно подробно — в упомянутой нами статье того же автора в «Ученых записках» Томского университета), автор монографии показывает, что эта тема имеет свою динамику и что существовало два этапа освоения русским писателем творчества великого шотландского романиста.

Принципиально важно положение о том, что «неумение романтика Бестужева объяснять характер средой, оторванность героя в моменты наибольшего духовного напряжения от „внешнего мира“ и даже резкое противопоставление его последнему — все это не просто результат неумения писателя, его субъективной художественной слабости, но и принципиальной позиции романтика, убежденного, что некоторые стороны человеческой души иррациональны, не подвластны влиянию извне, необъяснимы „внешней средой“. Это одна из важнейших сторон его романтической концепции личности...» (с. 244). Это дает основание отметить не только эстетическую близость Бестужева к отдельным романистам-романтикам Европы, но и «тот несомненный факт, что русский писатель-романтик в своем творчестве отразил характерные тенденции в развитии европейского романтизма» (с. 247).

В заключительной части монографии показано соотношение «бестужевской» линии в истории русской повести⁴² с повествовательной практикой других писателей-романистов, в первую очередь В. Ф. Одоевского. И вот в этой связи необходимо сделать несколько замечаний. Безусловного одобрения заслуживает стремление Ф. З. Кануновой рассмотреть бестужевскую повесть в контексте истории жанра. В целом стремление это реализовалось плодотворно (особенно там, где речь идет о проблеме «Карамзин и Бестужев», исследовательнице удалось сделать много ценного и полезного для изучения карамзинской эстетической традиции в русской прозе). Однако сказалась в ее книге и преувеличенная, характерная для многих литературоведческих работ, на наш взгляд, тенденция рассматривать литературный процесс как неуклонно идущий по «восходящей» линии. Отмечается, правда, что Бестужев «остаётся равнодушным к некоторым бесспорным завоеваниям Карамзина-психолога» (с. 173), к его открытиям в области «подробностей чувств» героя. Но в целом, однако, повесть Бестужева рассматривается в сопоставлении с повестью Карамзина лишь в плане новых эстетических завоеваний. А ведь наряду с этим при восхождении искусства на новую историческую ступень неизбежны потери, утраты — это тоже закономерная особенность литературного процесса, означающая не превосходство одного этапа его развития и ущербность другого, а диалектичность процесса в целом. Ф. З. Канунова пишет: «Герой — это не обыкновенный, каких много, а особенный, исключительный, вступивший в непримиримую борьбу со средой. Этим романтики принципиально отличались от сентименталистов, идеализировавших частного, маленького человека» (с. 29); «В противоположность Карамзину, идеализировавшему маленького человека, романтики подняли на щит идею героической личности» (с. 59). Прекрасно! Но подается этот безусловный факт со столь же безусловным исследовательским знаком «плюс». А почему бы не вспомнить, что такое выделение личности «особенной» сужало базу исследования различных типов человеческого характера — и не только социальную, но и сугубо психологическую! Что творческая практика зрелого Пушкина, а потом повествователей «натуральной школы» была, помимо всего прочего, и возвращением к карамзинской художественной традиции через отрицание «марлинической» (что опять-таки означает не «преодоление» последней, а отрицание диалектическое)! Жаль,

⁴² В системе развития последней бестужевская повесть рассматривается в монографии «Русская повесть XIX века» (Л., 1973; разделы: «Историческая повесть» — автор Я. Л. Левкович и «Светская повесть» — автор Р. В. Иезуитова).

что указанные обстоятельства обойдены автором содержательной монографии о Карамзине.⁴³

Бестужев-Марлинский является одним из главных «героев» статьи В. И. Сахарова «Из истории русской романтической повести».⁴⁴ Здесь интересно намечаются закономерности эволюции сюжета и стили в прозе Марлинского. Дробность, «неплотность пространства», недостаточное владение техникой сюжета у раннего Марлинского, как показывает исследователь, постепенно сменяются разветвленностью повествования и описания. Подчеркивается и то обстоятельство, что стилистический строй повести позднего Марлинского существенно видоизменяется — приподнято-романтические интонации часто оказываются в иронических кавычках, что в какой-то мере предвещало выход за пределы романтической поэтики и зарождение поэтики «физиологического очерка» (с. 41; отчетливость формулировки, может быть, несколько опережает реальный ход событий, но общая тенденция подмечена, на наш взгляд, объективно). Именно стилистическое новаторство, ориентацию на «стилистическую организацию каждого периода» (с. 43) автор статьи отмечает как наиболее существенный вклад Марлинского в развитие русской повести. Правда, В. И. Сахаров несколько искусственно противопоставляет эту тенденцию «глубокой мировоззренческой основе» (с. 45). Если даже «четкой концепции прозы, целостной эстетики романтической повести у Марлинского не было» (с. 42), то это еще не говорит об отсутствии подобной основы, ибо стилиеобразующий эклектизм, действительно в известной степени присущий Марлинскому, отнюдь не эквивалентен эклектизму творческой позиции в широком понимании этого слова.

А. А. Бестужеву посвящены два материала сборника «Литературное наследие декабристов»: «К цензурной истории сочинений А. А. Бестужева» (Я. Л. Левкович) и «Неизвестный текст А. А. Бестужева» (Б. Н. Капелюш).⁴⁵ Другая работа Я. Л. Левкович (биографического плана) — «Судьба Марлинского» — появилась на страницах № 12 «Звезды» за 1975 год (с. 154—164). Наши представления об эпистолярном наследии писателя-декабриста расширяет публикация Ю. Д. Левина «Смерть русского офицера. Неизвестное письмо А. А. Бестужева (Марлинского)».⁴⁶ Поэтический синтаксис Марлинского, использование тропов в общей системе его поэтики — предмет двух исследований Х. Д. Лезметса.⁴⁷ Языку прозы Бестужева-Марлинского посвящена статья В. В. Одинцова «Зачинщик русской повести» («Русская речь», 1975, № 2, с. 43—50; в статью вкралась досадная фактическая ошибка: герой «Замка Венден» Серрат на с. 46 назван героем повести «Испытание»), истории сибирской ссылки писателя-декабриста — работа Ю. С. Постнова «Н. С. Щукин и его очерк „Александр Бестужев в Якутске“» (Изв. Сиб. Отделения АН СССР. Сер. обществ. наук, 1975, вып. 3, с. 116—123). Самый очерк опубликован и прокомментирован Г. Невелевым в «Вопросах литературы» (1976, № 2, с. 207—217).

Рамки обзора не позволяют нам остановиться на пополнении двух особых разделов декабристovedения — «Декабристы и Пушкин» и «Декабристы и Грибоедов».⁴⁸ Отметим лишь, что давно назрела необходимость преодолеть преимущественную односторонность освещения этих тем и не в меньшей степени, чем влияние декабристской идеологии и этики на творчество двух великих поэтов, анализировать и обратное влияние (проблема, историей литературы отнюдь не обойденная, но как бы подчиненная обозначенной выше). Это поможет нам рассмотреть столь важ-

⁴³ См.: Канунова Ф. З. Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина. Томск, 1967.

⁴⁴ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, № 1, с. 36—45.

⁴⁵ Последнее сообщение содержит неточность: не указано, что текст кавказского наброска художественного текста А. А. Бестужева, в нем приводимый, рассмотрен в книге В. Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность» (Тбилиси, 1958, с. 304—305).

⁴⁶ В кн.: Освободительное движение в России, вып. 4. Саратов, 1975, с. 104—110.

⁴⁷ Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1975, вып. 347, с. 202—232.

⁴⁸ Алексеев М. П. К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд». — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 411—433 (впервые: Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971, с. 20—42); Благой Д. Д. «Пловцам я пел». (Пушкин и декабристы. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, № 6, с. 483—495; Пугачев В. В. Декабрист Н. И. Тургенев и пушкинская «Деревня». — Там же, с. 496—506; Мейлах Б. С. Жизнь Александра Пушкина. Л., 1974, с. 211—234; Эйдельман Н. 1) Южные декабристы и Пушкин (по новым материалам). — Вопросы литературы, 1974, № 6, с. 193—213; 2) 11 декабря 1825 года. — Наука и жизнь, 1976, № 10, с. 112—117; № 11, с. 72—79 (о последней встрече Пушкина и Пущина, — А. Х.); Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина. — В кн.: Литературное наследие декабристов, с. 195—218; Петровский Ю. Пушкин и декабристы. — Звезда, 1975, № 12, с. 60—70; Фомичев С. Он не навидел слово «раб». (Грибоедов и следствие по делу декабристов). — Звезда, 1975, № 12, с. 71—87. В 1976 году переиздана монография М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы».

ные для судеб русской культуры вопросы литературной и общественной жизни времени декабристов и Пушкина во всей их истинной сложности.

Конечно, работы о декабристах предъюбилейного периода не исчерпываются теми, которые посвящены крупнейшим проблемам литературного декабризма либо крупнейшим его именам. Упомянем еще новые публикации Б. С. Мейлаха из творчества В. Л. Давыдова и Г. С. Батенькова («Тюремная песнь»),⁴⁹ работы Л. Н. Лузяниной и В. Э. Вацура о связях поэзии преддекабристского времени с общественной жизнью России.⁵⁰ Вопросы стилистики декабристского литературного творчества затрагиваются в статьях И. Б. Голуб — «Славянизмы в поэзии декабристов», В. В. Одинцова — «Политическое красноречие декабристов», Е. П. Ходаковой — «Народно-разговорная лексика в произведениях декабристов».⁵¹ Судьба декабристского эпистолярного наследия — тема исследований Л. Ланского — «Из эпистолярного наследия декабристов. Письма Н. И. Тургенева к В. А. Жуковскому»⁵² и И. С. Зильберштейна — «Прощание с родиной. (Письма Николая и Михаила Бестужевых о Петербурге и Москве)».⁵³ Вопросы зарубежных связей декабристов-литераторов касается в своей работе «Поэты-декабристы в истории русско-польских литературных отношений» А. А. Илюшин.⁵⁴ Один из интереснейших эпизодов, связанных с историей декабристской публицистики, — предмет статьи Т. А. Перцевой «К вопросу о распространении рукописей М. С. Лунина».⁵⁵ Опираясь на труды С. Б. Окуня и Н. Я. Эйдельмана, исследовательница пополняет собранные ими данные новыми и рассказывает о переписчиках сибирских политических памфлетов не сложившего идейного оружия декабриста.

Мы не можем в равной мере затронуть все аспекты темы «декабристы-литераторы», поднятые и поставленные в последние годы. Но одна из книг все же заслуживает особого разговора — это выпущенная в 1975 году Ленинградским отделением издательства «Искусство» монография Н. В. Королевой «Декабристы и театр».⁵⁶ Автор этой книги ставит перед собой три основные задачи — «показать, как трансформировались в творчестве декабристов традиционные классицистские жанры; что представляла собой декабристская театральная эстетика „неоклассицизма“ в гражданском романтизме и какой вклад внесли декабристы в развитие русского театра».⁵⁷ Пафос ее исследования и состоит в выявлении органичности соединения в эстетике декабристов традиций классицизма и просветительства, со свойственным им стремлением отразить в литературном творчестве задачи политики и этики, и романтических тенденций как воплощения идей народности, национальной самобытности, отрицания сковывающих нормативных ограничений. Исследовательница пытается выяснить, где эти две тенденции соединились синтетически, а где — эклектически, как и в каком соотношении взаимодействовали, в каком направлении в каждом конкретном случае развивались.

Одним из центральных героев книги является Катенин. Исследовательница подчеркивает его принципиальный отказ от театра иллюзионного (хотя несколько ниже справедливо замечается, что в творческой практике он не был вполне последователем, — с. 69—70, 125—126), в чем этот выдающийся драматург и театральный критик решительно разошелся с А. Бестужевым и Рылевым. Обращаясь к творчеству последнего, Н. Королева обстоятельно и в различных аспектах анализирует влияние на его поэтику озеровской иллюзионной драмы.⁵⁸ Как нам кажется, следовало бы подчеркнуть, что воспринятая Рылевым драматическая традиция эсте-

⁴⁹ В кн.: Декабристы и русская культура, с. 204—228. Кстати, личность и творчество Батенькова в последнее время вызывают особый интерес исследователей — упомянем хотя бы работы Н. А. Рабиной в 96 томе «Исторических записок», Л. М. Дамешека в сборнике «Памяти декабристов» (Иркутск, 1975), А. Беэра в № 6 альманаха «Сибирь» за 1975 год. Думается, замечание А. А. Морозова о необходимости включения этого имени в дополнительный том КЛЭ, высказанное на страницах журнала «Русская литература» (1976, № 2, с. 195), имеет веские основания.

⁵⁰ В кн.: Литературное наследие декабристов, с. 260—265, 265—279.

⁵¹ Русская речь, 1975, № 3, с. 23—29; № 6, с. 11—19, 25—31.

⁵² Вопросы литературы, 1975, № 11, с. 207—227. Приходится отметить неточность в этой публикации: на с. 207 авторство «Донесения следственной комиссии» по делу декабристов почему-то приписывается Д. В. Дашкову, хотя принадлежность его Д. Н. Блудову видна из самого материала.

⁵³ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 34, № 6, с. 542—544.

⁵⁴ Советское славяноведение, 1975, № 6, с. 36—44.

⁵⁵ В кн.: Памяти декабристов. Иркутск, 1975, с. 122—136.

⁵⁶ Вопросы декабристского театра кратко рассматриваются также в статье М. Порватовой «О судьбе народной» («Театр», 1975, № 12, с. 66—74).

⁵⁷ Королева Н. Декабристы и театр. Л., 1975, с. 33. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁵⁸ Несколько позднее к этому же вопросу обратился в упомянутых нами заметках «К изучению „Дум“ К. Ф. Рылева» В. Э. Вацура.

тически восходила более к Княжину, чем к Озерову, — не «событийная» аллюзионность, а обобщенный идеал гражданского поведения.⁵⁹

Идейная борьба в первой четверти XIX века шла, в частности, и *внутри* декабристского лагеря — не только по собственно идеологическим или организационным проблемам (что подробно проанализировано, в частности, в упомянутой выше книге С. С. Ланды), но и по литературно-эстетическим. Для литературного декабристского это, конечно, не новость — достаточно обратиться к работам Ю. Н. Тынянова, В. Г. Базанова, Б. С. Мейлаха, В. Н. Орлова. Но, пожалуй, с наибольшей обстоятельностью «внутридекабристское» противостояние после работ Тынянова исследовано именно в книге Н. В. Королевой, что определено самим характером материала: театр, как подтвердила история и русской, и европейской культуры, был центральной ареной столкновения (и взаимодействия!) классических и романтических тенденций.

В книге подробно рассматривается содержание понятий народности и историзма в театральной эстетике Катенина и его единомышленников. Так, «катенинская группа утверждала принцип исторической достоверности, но не диктовала обязательность русского национального сюжета... Не надо прямых политических аллюзий, но нужны гражданские и нравственные аналогии. Не надо рабского копирования исторических событий, но нужна историческая достоверность характеров и происшествий» (с. 116). Применительно к этим задачам анализируются и взгляды Катенина на слог и стихотворный язык. Тут, возможно, «театральность» тематики исследования, в отличие от ряда других моментов, несколько ограничила возможность авторских наблюдений — в книге достаточно четко показано, что именно здесь пролегал водораздел, определявший большую историческую перспективность языковых воззрений Катенина в сравнении с его оппонентами из «Полярной звезды». Бестужев, в частности, отрывал идеологическое содержание понятий «национальность» и «народность» в литературе от их выражения в слове. Катенин же видел их материализацию именно в слове — древнеславянском либо просторечном. Зато несомненным достоинством теоретико-эстетического раздела исследования Королевой является выяснение соотношения классического и романтического начал в катенинской эстетике — соотношения, выявившего романтическую в целом ее основу. Это делается не только на историко-литературном, но и на сугубо театральном материале.

Собственно драматургия декабристов — тема, достаточно в истории литературы изученная. Кроме работ общего плана, следует вспомнить две капитальные монографии В. А. Бочкарева о драме преддекабристской и декабристской эпохи,⁶⁰ а также работы Ю. Д. Левина о деятельности Кюхельбекера-переводчика.⁶¹ Поэтом, не углубляясь в подробности, Н. В. Королева рассматривает лишь самые характерные тенденции декабристской драмы. Отмечено, в частности, то, что декабристы-романтики «попытались, усвоив озеровский принцип изображения человеческой души, избежать его „снижения высокого героизма“... Если для Озерова чувства были прекрасны и святы, а долг зачастую сомнителен, то декабристы ввели все то, что до них относилось к разряду „долга“, в число прекрасных чувств» (с. 214). Другая важная тенденция — «движение... от классицистского борения страстей к созданию „байронического“ героя с мелодраматической „ужасной“ судьбой», антитеза «не долг и чувство, а именно два противоположных могучих чувства» (с. 222), что подтверждается анализом набросков К. Ф. Рыльева к трагедии о Мазеце, катенинской «Эсфири». Декабристский идеал, конкретно воплощенный в той или иной трагедии, дан не статично, а в живой динамике исторического развития — или, если это подсказано материалом, в его несоответствии изменившемуся времени, как это произошло в случае с «Андромахой» того же Катенина (с. 241). Небольшой, но содержательный раздел посвящен гораздо менее изученной декабристской комедии, и здесь автором тоже сделан ряд интересных наблюдений. Отметим, в частности, хотя бы такое: сохранение традиционного в комедии той поры контраста общества и «злого умника» в «Горе от ума» при кардинальном изменении нравственных акцентов — «благородное общество» фальшиво, а отрицательный в общепринятой комедийной структуре герой становится носителем авторского этического идеала.

С особым интересом ознакомится читатель с разделом «Театральные интересы литераторов „вольных обществ“». Это уже не история драмы или учений о драме — это действительно история театральных интересов, которые попадали в поле зре-

⁵⁹ См. об этом в нашей статье «„Думы“ К. Ф. Рыльева и трагедия XVIII — начала XIX столетия» («Русская литература», 1972, № 2, с. 126).

⁶⁰ Бочкарев В. А. 1) Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815). Куйбышев, 1959; 2) Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов (1816—1825). Куйбышев, 1968.

⁶¹ Левин Ю. Д. 1) В. К. Кюхельбекер — переводчик Шекспира. — В кн.: Шекспировский сборник. 1967. М., 1968, с. 44—59; 2) Рассуждение В. К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира. — В кн.: Международные связи русской литературы. Сборник статей. М.—Л., 1963, с. 286—320.

ния историков литературы не столь уж часто.⁶² Н. В. Королева, помимо пластов «декабристы в театре» и «декабристы для театра», справедливо выделяет и третий — «декабристы в театре», пытаясь в соответствии с этим воссоздать столь трудно воспроизводимую через более чем вековой интервал атмосферу театральных споров — не только журнально-полюемических, но и «кулуарных», а подчас и живую атмосферу зрительного зала, извлекая необходимые сведения из самых различных документов декабристской поры.

* * *

Настоящий обзор, разумеется, не может претендовать на капитальное подведение итогов и многоплановую постановку проблем современного декабристоведа: для этого нам бы пришлось выйти за рамки освещенного здесь периода. Работы предъюбилейных лет в этом аспекте невозможно рассматривать вне широчайшего контекста исторических, историко-литературных и историко-культурных декабристоведческих работ предшествующих десятилетий, без анализа достигнутого в эти десятилетия — в первую очередь в области изучения диалектики мировоззрения и творчества декабристов, творческой истории их произведений и истории текста. Поэтому поделемся лишь некоторыми соображениями, вызванными новыми трудами последних лет.

Эти труды свидетельствуют, что по-прежнему остродискуссионным остается вопрос о творческом методе писателей-декабристов — как в целом, так и применительно к отдельным творческим индивидуальностям. Участвовавшие стремления к пересмотру определившихся в 30—50-е годы представлений говорят о том, что необходимы новые исследования, прежде всего, как нам представляется, уточняющие место литературного декабризма в общей системе русского и европейского романтического движения. Несущо необходимы новые работы о декабристской модификации байронизма. По сути дела на сегодняшний день лишь начато изучение темы «Декабристы и Жуковский» — а она, на наш взгляд, чрезвычайно важна для выявления типологической основы русского романтизма вообще.⁶³ Для удовлетворения столь обострившегося в нашей науке интереса к теории и истории жанров декабристская литература — материал тоже благодарный, и работы последних лет дополняют положения и выводы, сделанные и обоснованные учеными 30—50-х годов (Н. И. Мордовченко, А. Н. Соколов и др.).

Выше мы уже говорили об отсутствии в работах последних лет широкого обобщающего начала. Это подчас приводило к дробности поставленных в статьях и исследованиях проблем, методологической разобщенности затронутых в них вопросов, а случалось, что и к повторению уже известных положений. Юбилейная атмосфера не всегда способствовала оригинальности иных замечаний и выводов. Но спад в создании широких обобщающих трудов имел и весьма существенную, на наш взгляд, объективную причину. Все отчетливее стремясь к сокращению не всегда оправданной дистанции между «академическим» литературоведением и широким читателем и отыскивая при этом путь, позволяющий не поступаться научностью ради популярности, ученые все чаще обращаются к той единице, с которой в первую очередь и сталкивается читатель, — отдельному произведению. Если методика анализа произведений крупной формы разработана в науке достаточно детально, то в анализе, скажем, лирического стихотворения или цикла стихотворений между 20—30-ми годами и современностью возник некий методологический разрыв. В 40—50-е годы внимание к этой области литературной деятельности и к этим проблемам литературной истории было заметно ослаблено — нет нужды говорить, как важны такие сферы теории и поэтической практики для литературного декабризма. Поэтому усиление внимания к проблемам частным, по-видимому, в данном случае обусловлено далеко не только субъективными моментами и имеет под собою реальную почву. Ослабление обобщающего начала заключает в себе, конечно, негативные моменты, но, думается, обогащение наблюдений 20—30-х годов в области литературной формы (В. А. Гофман, А. Г. Цейтлин) современными методологическими достижениями и органическое слияние этих наблюдений с выводами идеологического и исторического порядка, сделанными декабристоведаческой наукой за долгие годы ее развития, должны дать в будущем новый синтез.

Работы последних лет показывают, что нуждается в дальнейшем углубленном изучении поэтика и стилистика позднего декабризма, в частности то, что внесено в историю русского стиха таким его крупным мастером, как А. И. Одоевский. Декабристские текстология и источниковедение — тоже далеко еще не исчерпанная

⁶² В качестве счастливого исключения отметим первый том монографии Б. В. Томашевского о Пушкине (1956).

⁶³ Разумеется, типологический анализ не должен заслонить, а тем более подменить социальный. Исследователь не должен упускать из виду принципиальные идейно-эстетические разногласия литераторов-декабристов и Жуковского при сопоставлении их творчества в любом аспекте.

тема. Огромная работа проделана здесь в свое время Б. Е. Сыроечковским, М. К. Азадовским, А. Г. Цейтлиным, Ю. Н. Тынниковым, В. Г. Базановым и другими, но есть еще целые пласты мало обследованных декабристских материалов, о чем можно судить, в частности, по декабристским выпускам «Исторических записок», «Записок отдела рукописей» ГБЛ, Сибирским декабристоведческим изданиям.

И, наконец, еще одна тема — роль и место декабризма в общем движении русской культуры. Потребности ее раскрытия в настоящий момент не могут быть исчерпаны ни сборником «Декабристы и русская культура», ни отдельными исследованиями, сколь бы значительными сами по себе они ни были. Нужно кардинальное и предельно конкретное применительно к каждому этапу истории изучение этой проблемы силами, вероятно, не одного только литературоведения.

Надо отметить, что 70-е годы в этом отношении были весьма плодотворными — в это время отчетливо оформилась тенденция видеть литературный декабризм в самом широком течении процессов русской культурной жизни как в литературе, так и вне ее. Вспомним работу Ю. В. Манна с ее широкой историко-литературной перспективой, стремление Ф. З. Кануновой в монографии об А. Бестужеве рассматривать его творчество как неотъемлемую часть истории русской прозы. Создавались и новые работы о воздействии декабризма на литературу второй половины XIX века, все более полно включавшие его в общий поток истории последней. Пополняется и растет количество исследований на тему «Декабризм и искусство» применительно как ко времени деятельности первых русских революционеров, так и к более поздним временам — отметим хотя бы статьи А. Р. Куник и Т. А. Роменской о месте живописи и музыки в эстетической системе декабристов (в книге «Декабристы и русская культура»), изданную в 1975 году в Ленинграде книгу Г. Принцевой «Декабристы в изобразительном искусстве». Но раскрытие этого круга вопросов ведется преимущественно еще в ключе тематическом и идейном. Настоятельно нужно изучение воздействия декабризма на литературу и искусство во взаимодействии всех его этических и эстетических факторов. К этому обязывает хотя бы только интерес к декабристам со стороны Достоевского и Л. Толстого — писателей, в чьем творчестве этическое и эстетическое начала неразоржимы.

150-летний юбилей декабризма ушел в прошлое. В процессе подготовки к нему были созданы работы, значение которых, думается, выходит за рамки юбилейных торжеств и которые вписали новые интересные страницы в богатую историю советского литературного декабристоведения.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

РУССКИЙ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В истории русского общественно-литературного движения конец XVIII—начало XIX века — один из самых сложных и противоречивых периодов. Именно с этим периодом связано представление о расцвете русского сентиментализма. За последнее десятилетие в современной историко-литературной науке много было сделано для выяснения характера этого литературного направления, его идеологической основы, национальных особенностей, его соотношения с классицизмом и романтизмом. В общих курсах по истории русской литературы, в исследованиях, рассматривающих отдельные проблемы и жанры, в работах о творчестве Н. М. Карамзина¹ было намечено немало важных новых аспектов изучения русского сентиментализма. Можно назвать несколько монографий, посвященных этому направлению в русской литературе: книги С. Э. Павлович «Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII века» (1974) и П. А. Орлова «Русский сентиментализм» (1977), а также книгу австрийского автора Рудольфа Нойхойзера «На пути к эпохе романтизма. Очерки о сентиментальной и преромантической литературе в России».²

Одной из важнейших проблем изучения русского сентиментализма представляется вопрос о его отношении к Просвещению. Две основные тенденции, наметившиеся в решении названного вопроса, во многом восходят к многолетней дискуссии, развернувшейся в связи с характеристикой европейского сентиментализма и преромантизма. Обстоятельный обзор работ на эту тему, появившихся до 1976 года, содер-

¹ Новейшая литература о творчестве Карамзина настолько многочисленна, что требует специального обзора. В настоящей статье эта литература будет привлечена лишь в связи с общей постановкой проблемы литературного направления Карамзина.

² Neuhäuser R. Towards the Romantic Age. Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia. The Hague, Martinus Nijhoff, 1974, 250 p. Рецензию на эту книгу см.: Smith G. S. — Modern Language Review, 1976, № 1, p. 239—240.